

Никита Михалков постоянно задает вопросы истории России, будь то Древняя Русь или Россия начала XIX века (в неосуществленных замыслах о Дмитрие Донском и Грибоедове), будь то его середина («Обломов») или конец в «Неоконченной пьесе» и еще одном пока еще неосуществленном сценарии, эпоха революционная («Свой среди чужих» и «Раба любви») и, наконец, послереволюционная в «Утомленных солнцем». Сюжет его творческой жизни, подходящей к весомому рубежу пятидесятилетия, на экране его фильмотеки складывается в некую «Сагу о России», которую он не потерял. Чувство потери испытывают те, кто о существовании России узнал благодаря перестройке. Роман Гуль начал свою книгу воспоминаний «Я унес Россию» с блестящего афоризма: «Какой-то большой якобинец (кажется, Дантон), будучи у власти, сказал о французских эмигрантах: «родину нельзя унести на подошвах сапог». Это было сказано верно. Но только о тех, у кого кроме подошв ничего нет». Те, у кого было еще что-то, лишённые политической, географической Родины и даже ее названия («Безымянная страна» — так назвал ее Владимир Вейдле), жили тысячелетней историей ее веры, духа, трагедией ее истории. В одном из предсмертных писем мученица великая княгиня Елизавета Федоровна писала: «Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». Примерно так думали и думают о России достаточно большое количество ее граждан, больше того, традиция этой мысли могла уйти в эмиграцию, в тюрьму, в катакомбы, в шепот городских квартир, но она никогда не умирала.

Семья, дом и страна, согретые любовью и верой, — вот, если свести в одну фразу, «михалковская тема» в жизни и искусстве. Можно ее уточнить и расширить: прочная и большая семья; старый, традиционный и хорошо обустроенный дом; могучая, богатая страна. Что не вся история России совпадает с этим идеалом, спорить трудно; что этот идеал жил на Руси все тысячелетие ее истории, а временами частично во-

площался, тоже не стоит спорить, если смотреть на судьбу без предвзятости. Да и когда и в какой стране — от Древнего Востока до Нового Запада — идеал реализовался полностью?

Можно лишь гадать о том, с какой мерой полноты этот идеал реализовался бы в России XX века, но что Великая Октябрьская сделала все, чтобы история России повернулась вспять от того пути, каким она, худо-бедно, шла девятое столетие своего бытия, что революция порушила семью, дома, границы, веру, сословия, природу, — спорить можно, только отвернувшись от реальности. Блока не назовешь слепым патриотом, враждебным истории и культуре Запада, а его стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно», написанное в роковом августе 1914 года, — одно из самых самообличительных в истории русской поэзии, богатой как одами, так и самоосуждением, тем дороже его заключительные строки, звучащие как реквием по дореволюционной России:

*«Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне».*

Историческая вина всех без исключений сословий России заключается в том, что почти никто не почувствовал поступь истории, приход революции на эту территорию. «Ее прибытие» оказалось неожиданным, застало врасплох, а те, кто предупреждал о возможных последствиях, не были услышаны.

В 1904 году в лекции, посвященной кончине А. Чехова, С. Булгаков писал: «Всякий день теперь принадлежит истории, и мы должны помнить о той невероятной исторической ответственности, которая ложится на нас за каждый неверный или нерешительный шаг, за каждую ошибку перед родиной и нашим потомством». И он же делал вывод на основе анализа творчества Чехова, как никто проникшего в суть российской жизни рубежа столетий, «о бессилии добра в душе среднего человека». Революции обнажают то, что живет под спудом в мирное время, иногда опрометчиво именуемое «застоем». Революцию пробуждают чернь, быдло (со-